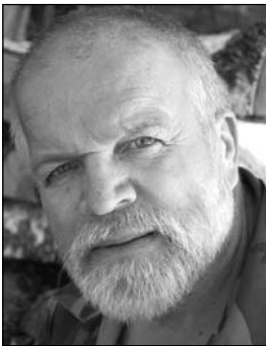

Сергей Михеенков

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

(О тех, кто к штыку приравнял перо)

Сергей Егорович Михеенков родился в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы. Служил в рядах Советской Армии. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Наши современники», «Юность», «Сура», «Аргамак». Автор многих книг прозы и исторической документалистики, вышедших в издательствах «Вече», «ЭКМО», «Молодая гвардия», «Центрполиграф». Биограф маршалов Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, певицы Лидии Руслановой. Живет в Тарусе.

Глава шестнадцатая

ФЕДОР СУХОВ

**ВЗВОДНЫЙ ИЗ БРИГАДЫ
«ЧЕРНЫХ РОМБОВ»**

1

Ф

едор Григорьевич Сухов родился в селе Красный Оселок Лысковского района Нижегородской области 14 марта 1922 года в крестьянской старообрядческой кержацкой семье.

В родном селе окончил начальную школу, а затем неполную среднюю школу в селе Просек. Поступил на рабфак в Лыскове. Рабфак был с сельскохозяйственным уклоном. Получил первую профессию и среднее образование.

В своих стихах и прозе Сухов часто возвращался к детству и отрочеству как к самой счастливой и беззаботной поре своей жизни. Красный Оселок лежит на высоком берегу Волги. Места красивые, сказочные. Они и влились в душу Сухова и сделали его поэтом. Спустя годы он, отнюдь не красного словца ради, признавался: «...в сущности все, что мной написано, это из Красного Оселка, с его полей и лугов, с его лесных опушек». Но были в его судьбе и другие

Продолжение. Начало в №№ 6–7, 10–12, 2023 г.

Федор Сухов

поля — сталинградские, курские, воронежские, другие, протянувшиеся через всю войну до самого Востока...

Началась война, и Сухов был тут же мобилизован, направлен сначала в Казань, а потом в Ташкент, в пехотное училище. С началом войны Ташкентское пехотное училище перешло на сокращенный, ускоренный курс обучения. Фронту не хватало командиров взводов и рот. Младшие офицеры, лейтенанты — самый быстро тающий расходный материал войны. В этот-то недолго живущий корпус и влился уже в начале 1942 года младший лейтенант Сухов. И надо было такому случиться, что попал он не в пехоту, где, как известно, взводные долго не живут, а в чистые смертники — в противотанковую артиллерию. Вначале в роту противотанковых ружей, а потом командовал огневым взводом противотанковых орудий. Войну начал в районе Воронежа. Первый бой — у станции Узень.

Под Воронежем весь 1942 год и в начале 1943-го шли тяжелейшие бои, которые, надо сказать, в истории Великой Отечественной войны еще не нашли достойного места, да и вообще мало изучены даже историками-энтузиастами, то есть краеведами.

Обычно танковой атаке немцев предшествовали мощная и основательная артиллерийская подготовка, потом налетала авиация, добивала то, что уцелело, и только после этого шли танки и мотопехота под прикрытием и в сопровождении самоходной артиллерии. Самоходки двигались позади танкового клина и мгновенного реагировали на любое проявление огня в полуразрушенной обороне противника, тут же гасили пулеметные гнезда и артиллерийские орудия прямой наводки.

Вот как описывал спустя годы один из пережитых артиллерийско-авиационных ударов немцев Федор Сухов: «Рыгали шестиствольные немецкие минометы — ишаки, они давились, рыгали и в самом деле как ишаки... Началась минометно-артиллерийская подготовка. Длилась она... Я не могу точно сказать, сколько времени она длилась. Я не видел, когда взошло солнце, да и ничего не видел, кроме спины Симонова да стоящего на козлиных ножках ружья.

Сейчас, по прошествии многих лет, вопреки общераспространенному мнению, что с годами забываются, стираются в памяти те или иные события, я, оставаясь наедине с самим собой, все острее ощущаю пережитое, зримо живущее во мне, не дающее ни на минуту забыть — ах, какая малость! — ну хотя бы склоненный над окопом подсолнечник. Я хотел увидеть солнце, но увидел этот подсолнечник, он показался мне черно и страшно взглянувшим на меня затемненным солнцем.

— Симонов, ты живой?

— Живой, товарищ лейтенант!

Я поднял голову, на этот раз подсолнечник показался подсолнечником, но над его жилистым упрямым затылком в водянистой голубизне неба разворачивались — сколько их?! — по-верблюжьки горбатые пикирующие бомбардировщики — «Юнкерсы-87».

— Воздух!

Кто это крикнул? Тютюнный? Нет, не Тютюнный, Загоруйко крикнул своим тоненьким мальчишеским голоском.

Симонов схватил ружье, но не знал, что с ним делать.

— Пригнись!

Симонов пригнулся, подставил под перехваченное мною ружье свою широкую, изъезженную вещмешком солончаково белеющую от пролитого пота спину.

“Юнкеры” стали снижаться, входить в пике. Одного из них, ведущего, я поймал на мушку и, взяв упреждение, выстрелил. Симонов зажал уши, но не надолго, он опять опустил руки, уперся ими в стенки окопа. Стоял непоколебимо.

— Подбили! Одного подбили!

Знать, и вправду подбили. Я видел, как стремительно падал, ястребино раскогтясь, с плоскими, ровно отрубленными крыльями, самолет. Падал он прямо на нас, выпустив из своих когтей пять бутылочно блеснувших на солнце непонятных штукovin, напоминающих широко растопыренные пальцы. Мелькнула давно затаенная соблазнительно-обльщающая мысль: наконец-то капитан Банюк скажет и обо мне, и о моем взводе доброе слово, а старший политрук Салахутдинов непременно, ссылаясь на конкретный пример, будет говорить о том, что вверенное нам оружие способно вести борьбу не только с танками, оно способно уничтожить и любой вражеский самолет...

Недолго подпрыгивало, недолго тешилось неожиданной радостью мое сердечико. “Подбитый” “юнкер”, как пловец с вышки плавательного бассейна, нырнул, утробно взыв, и невредимо вынырнул, пройдясь по нашим спинам крестообразно раскинутой тенью. А то, что казалось растопыренными пальцами, как цепями, пошло молотить утыканное подсолнечниками поле. Я снова глянул на небо, неба не увидел, увидел летящие прямо на меня черные кресты. Опять было припал к прикладу ружья, но выстрелить не выстрелил, меня придавило истошно воющим, падающим на землю небом.

Я чувствую, что я живой, но не могу подняться. Напрягаюсь, стряхиваю упавшее на мои плечи небо и, не зная, что случилось после только что оттопавшей бомбежки с вверенным мне взводом, не своим голосом, давясь застревающими в горле словами, кричу:

— Взвод, к бою!»

Это — фрагмент из повести «Ивница», одной из лучших в библиотеке «лейтенантской прозы» — уникальнейшего явления в русской литературе советского периода. К этой повести мы не раз еще вернемся.

2

Стоит вкратце рассказать о «черных ромбах».

Истребители танков на войне — профессия особая. Стрелять прямой наводкой по наступающим немецким танкам — дело непростое. Остановить их. Выбить как можно больше. Известно, как порой заканчивались дуэли танка и пушки: вмятые в землю ствол и щит вместе с расчетом...

«Двойной оклад — тройная смерть!»... «Ствол длинный, жизнь короткая»... «Прощай, Родина!»... Все это — о них, о солдатах и офицерах истребительно-противотанковой артиллерии.

Именно они уничтожили 70 танков из 100, брошенных в атаку на позиции наших войск на Курской дуге. В те июльские дни 1943 года лейтенант Сухов командовал огневым взводом противотанковой артиллерии.

С появлением на поле боя танков стали разрабатываться и противотанковые средства, в том числе специальные боеприпасы, способные пробивать броню, а затем и специальные орудия.

Самым массовым орудием, предназначенным для борьбы с танками и бронетехникой противника в начальный период войны, была знаменитая «сорокапят-

ка» — 53-К образца 1937 года. Она стояла на вооружении стрелковых дивизий. Но вскоре стало очевидным, что противотанковая артиллерия на дивизионном уровне недостаточна, слаба. Армии потенциальных противников принимали на вооружение все более совершенные образцы боевой техники, которые применялись массированно. Борьба с бронетехникой противника чаще всего принимала характер интенсивного, скоротечного боя. И тогда начали формировать противотанковые артиллерийские бригады. То есть создавать специальные части, способные противостоять массированным атакам бронетехники противника посредством мощных противотанковых средств — орудий.

Война показала, что армии нужны мобильные противотанковые части и формирования, которые, в зависимости от обстоятельств и задач, можно было бы оперативно перебрасывать на любые участки фронта, на танкоопасные направления.

В апреле 1942 года вышло постановление Государственного комитета обороны, которым определялось понятие истребительной бригады и ее главные задачи — борьба с немецкими танками. Штат ИПТАБР: 1795 солдат и офицеров, 16 пушек калибра 76-мм, четыре 37-мм зенитки. В процессе формирования штат дополнился 12 пушками калибра 45-мм и 144 противотанковыми ружьями. ПТРами были вооружены два пехотных батальона, которые входили в состав бригады. Для укомплектования новых формирований приказано было «изъять весь младший офицерский и рядовой состав, ранее служивший в артиллерийских частях».

К лету 1942 года на фронтах действовало 12 ИПТАБРов. Тогда же вышло постановление ГКО, согласно которому эти двенадцать бригад сводились в четыре истребительно-противотанковые дивизии прорыва. И приказ № 0528 «О переименовании противотанковых артиллерийских частей и подразделений в истребительно-противотанковые артиллерийские части и установлении преимуществ начальствующему и рядовому составу этих частей».

Командованию было понятно: бойцам и командирам этих подразделений и частей в условиях боевых действий придется ежедневно и ежечасно рисковать жизнью на самых опасных участках обороны и наступления, поэтому необходим соответственный моральный и материальный стимул.

Истребительно-противотанковым бригадам и полкам, побывавшим в боях и хорошо зарекомендовавшим себя, присваивались звания гвардейских. А это — особое довольствие, выслуга и прочее. Вводилась нарукавная нашивка — черный ромб с перекрещенными золотистыми стволами стилизованных шуваловских «единорогов». Плюс к тому — особые финансовые условия, нормы довольствия и прочее. Начальствующему составу положили полуторный, а младшему и рядовому — двойной оклад денежного содержания. За каждый уничтоженный танк расчету также полагалось денежное вознаграждение: командиру орудия и наводчику — по 500 рублей, остальным номерам — по 200 рублей.

И солдаты, и офицеры включительно до командира дивизиона находились на особом учете и после излечения в госпитале должны были возвращаться только в войска, носившие на рукаве черный ромб.

Смертность в истребительно-противотанковой артиллерии была значительно выше, чем в других артиллерийских частях. Не случайно вскоре в штат расчета «черного ромба» ввели должность заместителя наводчика. На прямой наводке чаще всего гибли те, кто стоял непосредственно за орудийным щитом. Орудие не должно было умолкать, когда погибал наводчик. К панораме становился его заместитель.

В начало 1943 года на фронте действовали две истребительных дивизии, 15 истребительно-противотанковых бригад, два тяжелых истребительно-противотанковых полка, 168 истребительно-противотанковых полков и один истребительно-противотанковый дивизион.

К началу Курской битвы противотанковая артиллерия Красной Армии была структурно перестроена. В каждой общевойсковой армии Воронежского, Центрального, Западного, Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов ввели в свой штат как минимум один истребительно-противотанковый полк. В таком полку было шесть батарей 76-мм пушек ЗиС-3. В армиях этих фронтов формировалось также по одной истребительно-противотанковой артиллерийской бригаде. ИПТАБР: 1215 человек; истребительно-противотанковый полк 76-мм пушек — 10 батарей; полк 45-мм пушек — 20 единиц.

К счастью, к лету 1943 года командование Красной Армии успело сформировать положенное количество полков и бригад. Успели и обучить противотанкистов. Освоили новые модели орудий и новые боеприпасы.

После Курской битвы потихоньку стали убирать из частей «черного ромба» «сорокапятки» и заменять их более надежными и мощными ЗиС-3, а также новыми 57-мм ЗиС-2, которые брали броню тяжелых немецких танков и самоходок.

В ходе боев порой прямо на поле боя совершенствовалась тактика применения истребительно-противотанковых частей и соединений. Система противотанковых районов и противотанковых опорных пунктов, хорошо зарекомендовавшая себя на Курском дуге, постепенно эволюционировала в принцип «огневого мешка», устраиваемого на основных путях танковых атак и контратак. Противотанковые орудия размещались побатарейно (иногда группами по две батареи) на дистанции в 50 метров, т.е. достаточно плотно — комар не пролетит, не то что танк, — маскировались с особой тщательностью, с соблюдением других мер секретности. Огонь они открывали не тогда, когда бронетехника противника появлялась в зоне уверенного поражения, а только тогда, когда в этой зоне оказывался замыкающий танк или самоходка.

Артиллеристы, воевавшие в истребительно-противотанковых частях, и после войны были особо почитаемой частью ветеранов. Они и сами удивлялись, что выжили.

Архивные документы свидетельствуют, что 14-я ИПТАБР, в которой воевал лейтенант Сухов, в ходе Курской битвы держала оборону на танкоопасном направлении в районе Обоянского шоссе на высоте 254,5.

Командовал бригадой полковник В.И. Заботин.

Лейтенант Сухов командовал огневым взводом «сорокапяток».

Стихи появятся потом:

Три крошечных, сумасшедших года
Убивали голову мою.
Залегла поблизости пехота,
Я у пушечки своей стою.
У своей стою «сорокапятки»
В кирзовых тяжелых сапогах,
С огневой не уйду площадки,
В отдаленный не бегу овраг.
А они все ближе, ближе, ближе,
А они вошли на высоту...
Устоять бы только, только б выжить...

В предисловии к книге «Землянка на снегу» Сухов напишет: «Зимой 1943 года наш противотанковый батальон пробивался к курскому селу Волконску. Противник принудил нас залечь, все время бил термитными снарядами, я видел, как заживо горели мои товарищи. И тогда я читал, как молитву, магические слова:

Милые березовые чащи,
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слова эти успокаивали меня, и я готов был воспринять смерть, хоть тайно думать, что меня не убьют, и только потому, что я пишу стихи».

Стихи, к счастью, он уже писал. А на фронт из Ташкента прибыл с чемоданом книг. Когда начались бои, и чемодан, и книги потерялись сами собой, как предметы неуместные на войне.

В том же предисловии: «Четырнадцатого апреля 1944 года я увидел первое свое напечатанное стихотворение. Мы стояли в обороне под Жлобином, невдалеке от Азвина, небольшого полесского хуторка. Принесли газеты. В газете “Красная Армия” красовалось мое имя и фамилия под двумя столбиками стихотворных строк. Я уже научился курить и выкуривал за одни сутки пачку “Золотого руна”. Теперь я еще больше уверовал, что меня не убьют, — поручкой тому только что напечатанные стихотворные столбики».

В мае 1943 года бригада была пополнена после потерь, понесенных в зимних боях. Артиллеристы получили новые орудия — пушки ЗИС-3 и тягачи.

Высота 254,5 в системе обороны Обоянского направления играла важнейшую роль. Если бы немцы захватили эту высоту и смяли оборону бригады полковника Заботина, дорога на Курск для танков генерала Гота оказалась бы открытой.

Бригада выстояла. Перед ее позициями противник оставил более ста единиц подбитой и сожженной бронетехники. Лейтенант Сухов был награжден медалью «За отвагу».

Всю жизнь потом он вспоминал бои под Обоянью. Своих боевых товарищей, которых оставил здесь навечно. Вспоминались и бои под Воронежем.

«Задонское шоссе... Где-то неподалеку убило моего первого окопного друга. Мы схоронили его в том самом окопчике, который он сам себе вырыл. Потом нашли фанерную дощечку, написали на ней слова и цифры: мл. л-т Ваняхин. 12.08.42. Дощечку прикрепили к дубовому столбику, столбик врыли в могильный холмик. И все».

Из «Ивницы».

Какое-то время, в 1942 году, когда Сухов командовал взводом противотанковых ружей, бригада дралась как пехота. И это продолжалось до лета 1943 года, до Курской дуги.

3

Тогда же, под Воронежем, Сухов едва не загремел в штрафной батальон. За что? За потерю бдительности, за командирскую беспечность.

Дело в том, что из его взвода дезертировали к немцам вначале сержант, потом еще два бойца. За этих двоих и отправили его, лейтенанта, под конвоем в штаб дивизии, за новым, так сказать, «назначением». Но Сухову повезло. Когда он прибыл туда и доложил о прибытии, о своем проступке, его выслушал молодой бра- вый генерал-майор. Выслушал и сказал:

— Проступок ваш серьезный, вполне подходящий для штрафбата. А сейчас, младший лейтенант, кру-гом! Ступайте в свою бригаду и командуйте взводом. До-ложите полковнику Заботину, что выполняете приказ генерала Черняховского.

В бригаду младший лейтенант летел как на крыльях — так, что боец с винтов- кой СВТ, конвоировавший его, остался со своими стертymi ногами далеко поза- ди, в лесу...

Обо всем этом, как и о других своих злоключениях, Сухов напишет в книге «Ивница».

«Ивница» — книга удивительная. Не роман и не повесть. Сам автор ее жанр определил как «хронику». Так оно и есть. Но главное и самое ценное — другое.

Ивницей называется деревня под Воронежем. Ее освобождала рота, в которой взводом командовал младший лейтенант Сухов. В деревне произошел жестокий

бой. Ближний бой. С рукопашной. Стреляли друг в друга в упор. Кололи штыками и кинжалами. Забрасывали гранатами. Ночью две передовых группы, в том числе и из взвода Сухова, вошли в спящую деревню, сняли часовых. А в домах не только немцы, но и жители Ивницы, женщины, дети.

Жестокая работа — война.

Через двадцать лет после Победы Федор Григорьевич Сухов побывал и в Ивнице, и в Медвенке, и в Большом Солдатском, и в Сторожевом, и влевой Россоши, и в других населенных пунктах, которые когда-то проходил со своим взводом. Разыскал тех, с кем когда-то свела в мимолетной, на краю гибели, встрече война, в том числе и ту семью, которую спас во время боя, приказав им бежать в овраг и уходить подальше от Ивницы.

«Ивница» чем-то напоминает повесть «Донник» Ольги Кожуховой. То же предельное откровение. Та же печать Победы. Да, да, печать. Те, кто к ней так долго шел, как Ольга Кожухова и Федор Сухов, слишком дорого за нее, за свою Победу, заплатили.

В «Ивнице» по этому поводу есть потрясающая фраза: «Я на какое-то время забылся, увидел мир без пролитой крови...» Герой хроники стоял на опушке леса и созерцал окрестность, похожую на тот ландшафт, которым когда-то проходил, нет, не просто проходил, а наступал его взвод и где потерял многих своих товарищей. Он узнавал и не узнавал знакомый пейзаж. Кругом сияла жизнь, пахло скошенной травой, пела в тенистых ветвях березы свои заливистые песни загадочная иволга. «Я на какое-то время забылся...»

Нет, им невозможно было освободиться от той памяти, на которую они были осуждены пожизненно. Так же, как и «Донник» Ольги Кожуховой, «Ивница» шита из отдельных лоскутков. Лоскутки разноцветные и не одинаковые по размеру. Есть яркие и нарядные, а есть черные, от которых веет ужасом. Все они ладно и органично подогнаны друг к другу, затканы в общее поле хроники, будто выросли так — все вместе, без всяких швов и соединений.

И та же, как и в «Доннике», исповедальность, то же глубокое дыхание и острое зрение, опрокинутое в прошлое и одновременно внутрь себя — солдата, случайно выжившего в минувшей бойне.

Снова «Ивница»: «Вышел на дорогу, на ее обочину, все так же опасаясь уйти куда-то в сторону. Опасения мои оказались напрасными, через некоторое время с довольно возвышенного увала я увидел впадину, ту низину, которая показалась особо памятной, знакомой.

Схожу с обочины, окунаю свои скороходы в пыль проселочной дороги, и дорога спускается к моим давним следам. Нет, нет, они не растаяли, не испарились, мои давние следы. Я вижу их всем существом, всеми прожитыми годами...

Опять защипало глаза, закрываю их, и какими-то иными глазами, глазами обостренной памяти озираю самого себя, своих окопных товарищей.

Глаза памяти, они видят брезжущее утро, заваленный снегом проулок, пристально оглядывают вышедшего до ветра рыжебородого старика.

— Мил человек, куды энто ты лапотить?

Я вздрагиваю. Глаза памяти на какое-то время прикрывают веки. Открываются другие веки, очнулись от минутного забытья другие вежды, я приподнимаю их, ощупываю ими длинную хворостину непроглядно-черной, обугленной старухи.

— Лапотить-то куды? — повторяет старуха обращенные к моему посоху, береженные со времен Мономаха слова.

Отвечаю:

— В Ивницу».

Это свое молитвенное хождение по давним следам Федор Сухов предпринял, как уже было сказано, спустя двадцать лет после войны.

Победу Сухов встретил в Германии в звании старшего лейтенанта. Три ранения. Два ордена и медаль «За отвагу». На рукаве — все та же нашивка, как особая метка, как проклятие: черный ромб со скрещенными единорогами. Эта нашивка стоила всех остальных, в том числе орденов и медалей.

В родной Красный Оселок на Волгу вернулся в 1946 году. Он был третьим вернувшимся живым и относительно здоровым. Все остальные земляки, а их было больше ста, так и остались на войне в своих братских окопах.

Вскоре перебрался в Горький, устроился библиотекарем в передвижной библиотеке. В горьковских областных газетах, в литературных альманахах появились его стихи. Они-то и помогли ему преодолеть творческий конкурс и в 1949 году по направлению Горьковской писательской организации поступить в Литературный институт им. А.М. Горького. В Москве быстро сошелся с поэтами-фронтовиками Сергеем Орловым, Владимиром Семакиным, Николаем Красновым.

Здесь же познакомился с Клавдией Ермолаевной Сусловой и вскоре женился. Родились дети — сын Алексей, дочь Елена.

По окончании Литинститута в 1954 году получил приглашение из газеты «Сталинградская правда» и вместе с семьей уехал в Сталинград. Работал в областной газете литературным сотрудником. Газетной работе Сухов отдал двадцать лет. В Сталинграде-Волгограде вышли четыре его стихотворных сборника. В основном, лирика. Первая же книга вышла на родине, в г. Горьком, в 1954 году. Называлась она «Родные просторы».

В 1957 году Сухова приняли в Союз писателей СССР.

Через в год в Москве вышла книга «Половодье». Областным писателям и поэтам в те годы в столичном издательстве напечататься было непросто. Лимит на бумагу. Московские кланы.

В том же 1958 году по всей стране шла проработка Бориса Пастернака по поводу его скандального романа «Доктор Живаго». Прошло собрание и в Волгоградской писательской организации. Сухов не поддержал общий осуждающий тон волгоградских писателей и высказался откровенно и просто: Пастернак — большой поэт, и не нам его осуждать... Партийное руководство области всколыхнулось. Своеволие Сухову не простили. «Их трое пришло, — рассказывал Сухов своему литинститутскому другу Евгению Карпову. — Я сразу сообразил — из дурдома. Сообразил и говорю: товарищ доктор, нормальный я. В том-то и дело, говорит он, слишком нормальный... Читал я ваши стихи, коллеги мои тоже читали... Одним словом, мы не застали вас дома. Приедем завтра. Вы поняли меня?»

Сухов понял. Понял, что генерала Черняховского в Волгограде нет и не предвидится. Ладно хоть добрый доктор подвернулся.

Купил билет на ночной поезд до Горького. В поезде на клочке бумаге записал стихотворение «Я покидаю Волгоград...»

Я покидаю двадцать лет
Не очень-то веселой жизни...

В Горьком братья-писатели помогли с обустройством. Выхлопотали квартиру. Родина приветила тепло. Когда в Горький перебралась семья, душа поэта успокоилась.

Постепенно Пастернака ему забыли. И партийные чиновники, стерегущие неизблемость идеологических норм, и те, *кто надо*, видимо, все же поняли, что Пастернак — это Пастернак, а Сухов — это Сухов, и с Суховым смирились. Тем более что он не особо-то и беспокоил власть.

Станислав Куняев писал: «Власть тогдашнюю он не любил, да и она его не жа-

ловала, в круг официально признанных поэтов, в привилегированную фронтовую обойму попасть не стремился, потому и жил замкнуто...»

В 1977 году в деревне Очаиха, что рядом с родным Красным Оселком, поэт купил дом и до 1989 года жил и работал там, на воле, на родном просторе.

В 1988 году вышел из рядов членов КПСС.

5

Здесь, на родине, начинается новый период творчества Федора Сухова. В местных хрониках читаем: «Свои самые заветные строки поэт посвятил нижегородской земле. В его стихах остались купола Макарьева, пристани Васильсурска, яблочные сады Красного Оселка, святые места Дивеева и аввакумовское Григорово Б.-Мурашкинского района».

В эти годы появились многие стихи, которые впоследствии вошли в поэтические сборники.

В шестидесятые годы Федора Сухова вновь окликнула тема войны. Она, правда сказать, и не отпускала. Но теперь он задумал пройти пешком по тем дорогам, которыми протащила его война. От Воронежа до Бобруйска. Годы клонили к сухой и большой прозе. «...окунаю свои скороходы в пыль проселочной дороги, и дорога спускается к моим давним следам». Не так-то просто старому солдату ходить по своим фронтовым дорогам и тропам. Поэтому первоначальная редакция того, что написалось в прозе после этого хождения, называлась «Хождение по своим ранам». Потом он понял, что это слишком газетно.

Рукопись получилась большая — семьсот страниц. Журналы ее не брали уже только поэтому. Но потом журнал «Аврора» напечатал значительно сокращенный вариант. Публикация появилась в 1990 году. Тут же пошли восторженные отзывы. Отозвались и фронтовики. Михаил Дудин: «Я радовался, когда читал повесть. Я дышал, читая ее, воздухом юности нашего поколения, которое ушло из жизни, спасая эту жизнь, незаметно утекло в вечность, освещая будущее костром своего Подвига. Подвиг этот жив теперь на века в благодарном слове Поэта».

«Ивница» написана поэтом. Это несомненно. Автор и сам ее определял как «литерическая хроника».

«Ивница» написана с глубокой внутренней болью. Потому что в основе ее не просто правда, а — страшная правда.

В Рамонском районе Воронежской области находится эта деревня. Именно сюда в один из дней вошла советская разведка и застала там большие силы немцев. Завязался бой. Потери понесли обе стороны. Разведчики не выполнили поставленную перед ними задачу. В ходе боя, когда немцы, оправившись от неожиданного удара, начали теснить разведку, лейтенант Сухов и его товарищи вынуждены были отойти из деревни. Во время боя откуда-то появились партизаны, но быстро исчезли. Немцы отбили ночную атаку советской разведки и принялись за местных жителей. В боине, которую они устроили в Ивнице, погибли почти все — и женщины, и дети, и старики. Эта чудовищная расправа легла тяжелым камнем на уцелевших разведчиков. В том числе и на память лейтенанта Сухова.

При жизни Федора Сухова «Ивница», над которой он работал почти двадцать лет, целиком не печаталась. Отрывками, главами публиковалась в журналах «Аврора», «Волга», «Огонек».

В 2006-м и в 2008-м годах в Волгограде отдельными книгами вышли вторая часть «Ивницы», а потом и первая. Именно в такой последовательности.

В 1987 году Федора Сухова выдвигают на соискание Государственной премии РСФСР им. М. Горького. Но тут происходит невероятное. Поэт снимает свою кандидатуру. Он направляет в комитете по госпремиям заявление с просьбой опубли-

ковать его: просит исключить его имя из списка соискателей, так как считает: «Премией обойдены многие достойные литераторы». В тех же местных хрониках читаем: «Письмо не напечатали, как просил поэт, положили под сукно, а премию получил один из “генералов от литературы”». Чудак-человек этот Федор Сухов...

В тот год Государственную премию РСФСР им. М. Горького по литературе получили Аяз Гилязов за книгу «При свете зарниц», Владимир Костров за книгу стихотворений и поэм «Открылось взору», Станислав Куняев за книгу критических и публицистических статей «Огонь, мерцающий в сосуде», Семен Шуртаков за роман «Одолень-трава».

Началась перестройка. Федор Сухов очень много работал. Стихи, проза, эссе выходят в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Знамя», «Молодая гвардия», «Москва», «Нева», «Волга», «Дон»...

В 1990 году подписал «Письмо 74-х». Это было обращение писателей России патриотического крыла к Верховному Совету СССР, Верховному совету РСФСР, делегатам XXVIII съезда КПСС, к правителям, проводившим губительные для страны реформы: «Под знаменами объявленной “демократизации”, строительства “правового государства”, под лозунгами борьбы с “фашизмом и расизмом” в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище — многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле — и радиоканалы, вещающие на всю страну. Происходит беспрецедентная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны <...> Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации “Огонька”, “Советской культуры”, “Комсомольской правды”, “Книжного обозрения”, “Московских новостей”, “Известий”, журналов “Октябрь”, “Юность”, “Знамя” и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней “революционной перестройки” является в первую очередь русский народ <...> Люди русского происхождения — ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуется в прессе “фашистами” и “расистами”...

<...>

Всегда помните о национальном достоинстве великороссов, завещанном нам нашими славными предками, тысячелетней историей России; ежедневно помните, что мы, русские, — высокоталантливый, героически отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что “русский характер”, “русское сердце”, бескорыстная преданность истине, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец — неистребимый, беззаветный русский патриотизм — все это никогда и никем не может быть изъято из сокровищницы человеческого духа».

Здесь прочитываются заветы верности православию. Но об этом тогда говорить было еще рано. Тем не менее, «Письмо» в своих заповедях и предостережениях властям не потускнело и до сей поры. Подписавшим его стыдиться нечему. Читателям и поклонникам — есть чем гордиться за них и перечитывать их книги. К сожалению, многих из 74-х уже нет в живых. Ушли Леонид Леонов, Валентин Распутин, Юрий Кузнецов, Петр Проскурин, Татьяна Глушкова, Вильям Козлов...

Порой говорят, что именно оно, «Письмо 74-х», раскололо некогда мощный Союз писателей СССР, разделив на Союз писателей России и на Союз российских писателей. Скорее всего, это не так. Раскол к тому времени уже произошел. Патриоты и либералы резко начали размежевываться еще до XXVIII съезда КПСС. «Письмо 74-х» окончательно сожгло последние мосты. Они, те мосты, до сих пор не восстановлены. И теперь уже вряд ли это произойдет. Правда, многие из поддержавших тогда, в 90-х, либеральные настроения, увидев плоды своих неисто-

вых войн, в результате которых был разрушен СССР, спохватились и прокляли и перестройку, и ее лидеров, и свои заблуждения.

Федор Сухов подписал это письмо как поэт, старый солдат и патриот своего Отечества.

В последние годы работал над прозой. На столе лежала рукопись книги о детстве — «Буреполом».

Умер Федор Григорьевич Сухов 5 января 1992 года. Похоронен на старообрядческом кладбище в могиле деда и бабушки — Суховых Петра Матвеевича и Анисьи Максимовны. На могиле Суховых дочь Елена установила старообрядческий крест.

Его именем решением Земского собрания названа Центральная библиотека Лысковской межпоселенческой Централизованной библиотечной системы. Здесь, на родине Федора Сухова, ежегодно проводятся праздники поэзии. Собираются нижегородские писатели, краеведы, учащиеся школ, местная интеллигенция. Работники библиотеки собрали все прижизненные издания произведений своего земляка и постоянно пополняют библиографический отдел новыми публикациями. Составлен уникальный альбом «Кудесник слова русского».

Дети Федора Сухова, Елена и Владимир, племянник Григорий и вдова Клавдия Ермолаевна многое сделали для того, чтобы слово поэта и память о нем как о человеке не исчезали. Изданы книги, проводятся праздники, установлена мемориальная доска на доме, где родился «кудесник слова русского».

* * *

Эти горести и эти беды,
Этот голубеющий причал...
Радость завоеванной Победы
И ее великая печаль.
Возложу печаль свою на камень,
На безмолвно стынущий гранит,
Снова повстречаюсь с земляками
Возле наших сельских пирамид.
Что скажу я? Что я проглаголю?
Бедная, не шевелись, трава, —
Неубитому, живому горю
Не нужны убитые слова.

* * *

Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, —
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.

Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овес, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Все сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром громыхнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

* * *

В дыму всемирного пожара,
Когда могло все пеплом стать,
Когда сама земля дрожала,
А я старался не дрожать.
А я сидел в своем окопе
С противотанковым ружьем,
И багрянел в великой скорби
Раздвинувшийся окоем.
А эти люди, люди, люди,
Враждой всемирной воскипя,
Они из всех своих орудий
Увечили самих себя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Былина о неизвестном солдате. Стихи. — М.: Мол. гвардия, 1972.
Земляника на снегу. Стихотворения и поэмы. — М.: Современник, 1979.
Ивница. Повесть. — Нижний Новгород, 1997, № 5.
Ивница. Хроника. — Волгоград: 2008.
Плачь Ярославны. Стихи. — Горький. Волго-Вятское книжное издательство, 1982.
Подзимь. Избранное. — М.: Мол. гвардия, 1989.
Сладкая польнь. Лирика. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1978.
Ивница. — М.: Роман-газета, 2020, № 1.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- Три ранения.
Орден Красной Звезды.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Медаль «За отвагу».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
Литературная премия им. А. Фадеева 1971 года за лучшее произведение о Великой Отечественной войне.

НИКОЛАЙ ПОЛУНИН

«Я СГОРЕЛ НЕ ДОТЛА...»

1

Николай Федорович Полунин родился 15 декабря 1920 года. Его родина — деревня Лоторево Детчинского района Калужской области. Места сказочно-красивые, типично средне-русские. Деревня стоит у истока реки Суходрев. Той самой, которая, уже наполнившись притоками, протекает по усадьбе Полотняный Завод, куда перед свадьбой ездил к своей невесте Наталье Гончаровой влюбленный Пушкин.

Окончил среднюю школу и поступил в Гурьевский техникум молочной промышленности. Работал техником-технологом в Ивановской области.

В Красную Армию ушел по призыву в ноябре 1941 года, когда враг уже стоял под стенами Москвы. Призван Сталинским райвоенкоматом Ивановской области. Сразу же направлен на учебу в Сормовскую военную школу радистов-операторов. Фронту требовались специалисты радиодола. В июне 1942 года направлен на фронт. Участвовал в боях на Западном и Юго-Западном фронтах. Был связистом 727-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 10-го танкового корпуса.

«Черные ромбы» дрались всегда не просто в первом эшелоне, а — против танков. Фронтовики знают, как атаквали немецкие танки. На пехотные траншеи они накатывались осторожно. На дистанции обрабатывали окопы осколочно-фугасными снарядами и пулеметным огнем, а подкатив к траншеям, останавливались в десяти шагах и будто принюхивались — не ждут ли их со связками гранат и бутылками с зажигательной смесью бойцы-гранатометчики. Прорвавшись на артиллерийские позиции, немецкие танкисты вели себя иначе. На всей скорости они гнали боевые машины на огневые противотанкистов. В этих крошечных обстоятельствах часто возникали дуэли: танк — противотанковое орудие, танковый экипаж против орудийного расчета. Обычно исход решал точный выстрел. Кто кого. Быстрота и смелость механика-водителя? Или точный расчет и хладнокровие наводчика-артиллера?

Старшина Полунин обеспечивал связь расчетов с командно-наблюдательным пунктом.

Десятый танковый корпус в 1942 году дрался в Подмоскowie недалеко от родных мест Николая Полунина. Весной 1943 года корпус перебросили на участок Ливны — Старый Оскол. Ставка Верховного Главнокомандования готовилась к отражению летнего наступления немецких войск. Формировался Степной военный округ (генерал И.С. Конев), который располагался за спиной Воронежского фронта (Н.Ф. Ватутин). В него и вошел 10-й танковый корпус.

Уже на следующий день Курской битвы, когда возникла угроза прорыва обороны Воронежского фронта и выхода танков генерала Гота к Курску с юга, часть соединений Степного фронта по приказу Ставки была передана в распоряжение генерала Ватутина. В первую очередь в район Обояни были переброшены артполки. А 7 июля в районе Прохоровки сосредоточились основные силы корпуса. Задачей было во что бы то ни стало удержать вторую полосу обороны Воронежского фронта.

Уже на второй день битвы 727-й ИПТАП вступил в бой с немецкими танками.

Маршал К.А. Москаленко, в 1943 году генерал, командующий 40-й армией, вспоминал: «Несмотря на яростные атаки, противнику в течение четырех дней не удалось прорваться на Обоянь. Командующий, умело маневрируя силами фронта, постоянно усиливал войска 6-й гвардейской армии и 1-й танковой армии. Только из состава 40-й армии на направление главного удара противника были переброшены четыре стрелковые дивизии, две танковые бригады, два танковых полка, две ар-

Николай Полуни

тиллерийские бригады, четыре истребительных противотанковых полка, гаубичный артиллерийский полк, два гвардейских минометных полка и один самоходно-артиллерийский полк».

Артиллерия в нашей армии еще со времен Ивана Грозного традиционно была сильна. Именно артиллерию всегда бросали на самые трудные и ответственные участки. На Курской дуге таких участков, намеченных немцами для прорыва, было два: на севере с орловского плацдарма ударные силы группы армий «Центр» били на юго-восток с поворотом на юг направлением в район Курска, на юге группа армий «Юг» била на северо-восток с поворотом на север в район Курска. Так, по замыслу немецких штабов, в случае удачи отсекался огромный Курский выступ со всеми войсками, расположенными на гигантской дуге. Неудачи, как приказал своим генералам Гитлер, быть не должно.

Десятый танковый корпус генерала В.Г. Буркова закрывал Обоянское шоссе. Когда 4-я танковая армия генерала Гота таранным ударом пробила первую линию обороны наших гвардейских армий, создалась угроза выхода немецких моторизованных соединений на главную коммуникацию — Обоянское шоссе, по которому до Курска оставалось рукой подать. Все танкоопасные направления на второй линии тут же были заняты нашими артиллеристами. В том числе и батареями 727-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка.

Как известно, Воронежский фронт, постоянно подпитываясь пополнениями, поступающими из тылового Степного фронта и не атакованных участков собственных армий, выстоял. После того как противник, не добившись успеха, начал отход, вперед пошли войска обоих советских фронтов — Степного и Воронежского. Началась наступательная операция «Полководец Румянцев». Были освобождены Белгород и Харьков.

В боях по освобождению Белгорода храбро дрался и 727-й ИПТАП. «Черные ромбы» выкуривали немцев из дерево-земляных и бетонных сооружений, которые те успели построить по периметру города, точным огнем гасили танковые контратаки. При этом, конечно же, и расчеты несли большие потери.

В одном из таких боев был тяжело ранен старшина Полуни. Его эвакуировали в тыл, в госпиталь № 5359.

Из наградного листа на старшину Полунина Н.Ф.: «При освобождении г. Белгорода получил тяж. ранение левого плеча с повреждением лучевого и локтевого нерва. В данное время работает военруком Муратовской неполно-средней школы, к работе относится добросовестно. Повседневнo повышает свои военно-политические знания. Предан делу Ленина-Сталина и Социалистической родине».

За освобождение Белгорода старшина Полуни был награжден орденом Славы III-й степени.

Инвалид в двадцать три года — это нелегко.

В 1950 году Полуни окончил заочное отделение Московского педагогического института, факультет географии. Родину свою — Детчинский район — больше не покидал. Работал учителем, преподавал детям географию, директорствовал. Дерев-

ни и села родного края распахивали перед ним свои школы, где он руководил педагогическими коллективами, вел уроки, воспитывал сельских детей, учил добру, справедливости, умению видеть прекрасное в окружающей природе и жизни.

Писались стихи.

Вдали — Новоселки.
Навстречу — Прудки.
Проселки, проселки,
Березки, дубки.

От лямок и плечи
В кровавых рубцах...
Ходил я до Детчина
В оба конца.

Во ржи перепелки,
А сзади — рюкзак.
Я знаю: проселки
Ведут на большак.

Проселки, проселки... (1960-е гг.)

Даже от названий сел и деревень, где учительствовал Николай Полунин, веет поэзией серединой, исконной России: Муратово, Сугоново, Николо-Дол, Прудки, Дубровка, Победа.

Он, учитель, сельский интеллигент, прекрасно понимал главное назначение и социальную миссию советской колхозной деревни — растить хлеба, кормить Россию.

Февраль устал кривить дороги,
А март расслабил снежный наст...
Сегодня в полдень у порога
Воды хохлатка напилась.

Весна людей заторопила...
Она, как будто невзначай,
Проталок в поле обронила,
Пустила на него грача,

Засуетилась у причала,
Шумит, нет удержу воде!
Мы ждем...
Сейчас бы не мешало
У тракторных плугов отвалы
Почистить в первой борозде.

Весна (1967)

Стихи охотно печатали местные газеты.

Калужское книжное издательство в 1960 году выпустит первую книгу поэта — «Тропинка полевая». С первой книжкой Николаю Полунину повезло — успела выйти. Потому как в следующем 1961 году Калужское издательство запустило в производство альманах «Тарусские страницы», собранный тарусскими москвичами. Альманах по несчастливой случайности попал под руку партийным чиновникам, и они его распушили в хвост и в гриву. Альманах был изъят из книжной торговли, издательство спустя некоторое время на всякий случай прикрыли.

Третий поэтический сборник вышел уже после смерти поэта.

Писал Николай Полуни и басни, и стихи для детей, и поэмы. В конце жизни принялся за прозу. «Повесть о войне» закончить не успел. К сожалению, Николай Федорович не оставил воспоминаний о войне и военной поре. А ведь именно это могло стать его главной книгой. О непридуманном. О том, как учился на курсах связистов, как зачислили в истребительно-противотанковый полк, как стояли во время Курской битвы под Обоянью, а потом наступали на Белгород. И не подсказал никто. Общался Николай Полунин в основном с журналистами. А журналисты — народ поневоле поверхностный. Да и от поэта требовали в основном — «стишок в номер» и «по случаю, к дате».

На долгие годы местом работы Николая Полунина стал Детчинский совхоз-техникум. Преподавал географию и историю. До сих пор многие выпускники техникума с благодарностью вспоминают своего учителя. Занятия в историческом кружке, который учитель организовал и увлеченно вел многие годы. Кружковцы под руководством своего наставника создали музей боевой славы, занимались розыском имен солдат и командиров, захороненных в братской могиле в селе Детчине.

В 1972 году принят в Союз писателей СССР.

23 августа 1972 года умер. В некрологе, опубликованном в «Литературной России», говорилось: «...И писал стихи. Он их не придумывал, не сочинял. Они рождались в его душе, когда он шел по родным полям и перелескам, разговаривал с хлеборобами, думал о судьбах тех, кто пашет землю, кормит и одевает страну... Строки его стихов согревают душу, помогают в труде».

Я СГОРЕЛ НЕ ДОТЛА...

Я сгорел не дотла
Под Смоленском в бою.
Семь атак, два «котла»
В день на роту мою...

А теперь, видишь сам:
Я иду по овсам,
По пшенице и льну,
Там, где встретил войну.

Я безруким иду.
Я у всех на виду.
И не спрячешь беду
Каждый день под ремень...

(1968)

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОСТОТА

Мы обходимся без милиции.
Тут порядок давным-давно.
Только девушки яснолицые
Любят семечки брать в кино.

Что ж, что семечки девки лузгают?
Деревенская простота.
А под ситцевой белой блузкою
Нерасплесканная чистота.

Не зовут их здесь «вертихвостками»,
Ходят в девках — до сорока;
Ни с женатыми, ни с подростками
Не «махают на левака».

Если май придет — все с веснушками,
Дело ясное тут — весна!
Если в клуб идут, то с частушками,
Им, как водится, не до сна.

Рассыпается дробь каблучная
Под трехрядную под гармонь...
Если парочка неразлучная
К свадьбе вызрела — уж не тронь!

(1960-е гг.)

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не мог я вмиг осмыслить сводку,
Но понимал одно: конец!
Я видел, как своей пилоткой
Ударил о ладонь боец;

Затем присел на край лафета,
Надел пилотку набекрень
И развязал шнурок кисета...
Нам не забыть тот майский день.

А жены пашнями бежали,
Оставив в упряжи быков;
А матери, поправив шали,
Тревожно всматривались в дали,
За повороты большаков.

У сельсовета — слезы, речи...
Мы верили в страданья женщин —
Они измучились без нас,
Взвалив все горечи на плечи.
Нам не забыть тот день и час:

Солдат цветами осыпали,
Солдат до хруста обнимали,
Смеялись жены
И рыдали...

(1971)

БИБЛИОГРАФИЯ

Тропинка полевая. Стихи. — Калуга: Калужское книжное издательство, 1960.
На большаке. — Тула: Приокское книжное издательство, 1968.
Когда не спят перепела. — Тула: Приокское книжное издательство, 1973.

НАГРАДЫ И ПОЧЕТНЫЕ ЗВАНИЯ

Орден Славы III-й степени.

Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Звание «Отличник народного просвещения».

«БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ПАТРОНЕ»

В прежние годы имя поэта Мусы Джалиля знали все школьники. Учили наизусть стихи из его «Моабитской тетради», лучшие чтецы декламировали их на школьных праздниках, районных смотрах и в памятные дни. В сознании советского человека генерал Дмитрий Михайлович Карбышев и поэт Муса Джалиль стояли рядом.

1

Муса Мустафович Залилов родился 2 февраля 1906 года в деревне Мустафино под Оренбургом. В семье Мустафы и Рахимы Залиловых он был шестым ребенком. Семья жила трудно.

Учебу Муса начал в деревенской школе — мектеб. И учителя, и родители сразу заметили, что мальчик проявляет удивительные способности. Любит литературу, чтение, в особенности стихи. Мысли выражает точно и красиво.

Когда семья перебралась в Оренбург, Мусу отдали в медресе — «Хусаинию». В медресе преподавали и духовные дисциплины, и светские. Муса особенные знания показывал на уроках литературы, пения и рисования.

После революции «Хусаинию» реорганизовали в Татарский институт народного образования.

В тринадцать лет Муса вступил в комсомол. Новую жизнь он, как и большинство его сверстников, принял восторженно, с юным энтузиазмом. Комсомольское поручение — организацию пионерских дружин — выполнял добросовестно. Писал стихи для детей.

Много читал. Любимые поэты — Омар Хаям, Хафиз, Саади, Дердмэнд. В ранних стихах, что вполне естественно, явно ощущалось их влияние.

Дальнейшую судьбу Муса выстраивал, как бы сейчас сказали, по комсомольской линии. Товарищи избрали его членом Центрального Комитета ВЛКСМ Татаро-Башкирского бюро. Для энергичного, жаждущего знаний и в меру честолюбивого юноши из национальной республики тут же открылась дорога в Москву — в 1927 году ЦК Татаро-Башкирского бюро выдало комсомольскую путевку для поступления в Московский государственный университет на литературное отделение, этнологический факультет.

Стихи писал на родном татарском языке. Их переводили, читали на студенческих вечерах. Сверстникам особенно нравилась его лирика.

В 1931 году Муса получил диплом об окончании писательского факультета МГУ. В Казани его уже ждали. При ЦК комсомола были учреждены детские журналы на татарском языке, и Мусу назначили их редактором. Через год неожиданно уехал в город Надеждинск¹. Живя там, много работал. В это время пробовал себя в различных жанрах. Именно в это время появляются оперы композитора Назиба Жиганова «Ильдар» и «Алтын Чэн». В основу либретто положены поэмы Мусы Джалиля.

Вскоре возвратился в Казань и возглавил отдел литературы и искусства республиканской газеты «Коммунист» на татарском языке.

Все это время поддерживал дружеские отношения с поэтами Михаилом Светловым, Александром Безыменским, Александром Жаровым. Дружба завязалась еще в Москве, во время учебы.

¹ Ныне г. Серов.

В 1934 году вышли сразу две книги Мусы Джалиля — «Стихи и поэмы» и «Орденосные миллионы».

С 1939 года — ответственный секретарь Союза писателей республики. Одновременно работал завлитом в Татарском оперном театре.

2

Война разрушила все планы. Круто изменилась и жизнь поэта.

Двадцать второго июня, как пишут биографы Мусы Джалиля, он с семьей поехал за город на дачу, чтобы провести там выходные дни. Когда стояли на платформе в ожидании загородного поезда, по репродуктору сообщили о начале войны.

По воспоминаниям друзей, в те дни в разговоре поэт вдруг сказал им: «После войны кого-то из нас уже не будет...»

В военкомате, куда Муса Джалиль пришел в первые же дни войны, ему сперва отказали. Повестка пришла в июле, тринадцатого числа. Его зачислили в артиллерийский полк, который в те дни формировался под Казанью. Но потом направили в Мензелинск, на курсы политруков. В местных хрониках читаем: «Когда командованию стало известно, что Муса Джалиль — известный поэт, депутат городского совета, бывший председатель Союза писателей, его хотели демобилизовать, отправить в тыл. Но он решительно ответил: “Вы поймите меня, ведь я поэт! Я не могу сидеть в тылу и оттуда звать людей защищать Родину. Я обязан быть на фронте, среди бойцов, и вместе с ними бить фашистскую нечисть”».

Шестимесячные курсы остались позади, поэт получил звание старшего политрука и был направлен на фронт в район Ленинграда в распоряжение штаба 2-й ударной армии. Армия действовала на Любанском направлении. Работал литсотрудником в редакции армейской газеты «Отвага».

В это время появилось несколько стихотворений, и среди них — «Слеза»:

Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.
И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.
Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.
И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз.
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.

На северную столицу наступала мощная немецкая группировка ГА «Север» — танковые, моторизованные и пехотные дивизии. С севера Ленинград и окрестности блокировали финские войска. Войска Ленинградского и Волховского фронтов проводили операцию за операцией с целью разорвать кольцо блокады. Немецкие и финские войска пытались задушить, истребить голодом непокорных ленинградцев и открыть путь на Вологду, Архангельск, Кострому и дальше к Уралу.

Седьмого января 1942 года началась Любанская наступательная операция Волховского и Ленинградского фронтов. Цель операции — прорыв блокады с юга в

рае железнодорожной станции Любань. Главной пробивной силой Волховского фронта в те дни была 2-я ударная армия генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Дивизии первого эшелона прорвали немецкую оборону, продвинулись глубоко вперед, но вскоре были отсечены фланговыми ударами под основание прорыва и окружены в районе станции Мясной Бор в сорока шести километрах от Великого Новгорода. Эти места стали «долиной смерти» для многих тысяч бойцов и командиров 2-й ударной армии. К тому моменту раненого генерала Н.К. Клыкова на посту командующего заменил генерал А.А. Власов. Трудно сражаться, когда армия находится в окружении, когда нет подвоза, нет продуктов, медикаментов, когда обозы переполнены ранеными и больными, а помочь им нечем.

В 1996 году в Казани были опубликованы мемуары политрука В.А. Кузнецова, бывшего ответственного секретаря газеты «Отвага». В мемуарах (военных дневниках) и в интервью Виктор Александрович рассказал о своем фронтовом друге старшем политруке Мусе Джалиле:

«19 апреля. Наши части теряют свою ударность... Но как же тяжело оставлять мысль о наступлении. Мы были так близки к цели. Остался еще один стремительный бросок вперед на крупный узел сопротивления немцев, и выстрелы наших орудий, пулеметов, винтовок сольются в единый победный хор с героическими залпами бойцов города Ленина. В нашей воле, в наших силах ускорить соединение с героями-ленинградцами». Так писала наша армейская газета несколько дней назад. И это не были простые слова. Артиллеристы подполковника М.Б. Фридланда (18-й артполк РГК) уже обстреливали Любань из своих восьмитонных 152-мм гаубиц. Наши разведчики разглядывали в стереотрубу окраины Любани. До нас доносились звуки артиллерийской стрельбы федюинцев, атакующих Любань с северо-востока, увы, тоже безуспешно...²

После падения Красной Горки наша редакция, оказавшись в с. Озерье слишком близко к передовой, вернулась на прежнее место в район Огорели».

«19 апреля 1942 года. (Совещание в политотделе армии, на котором выступал только что прибывший новый командующий генерал А.А. Власов. На совещании присутствовала и редакция газеты «Отвага»). Удивляла его осведомленность. Он все хорошо знал. Дислокация не только армий, но и дивизий ему хорошо известна. Знает на память множество имен командиров и т.д. Было сказано еще немало прекрасных слов: «Командир должен быть отцом родным для бойцов... Человека любить надо... Мы должны помочь Ленинграду» и т.п. А в конце опять о Сталине: «Надо учиться у товарища Сталина спокойствию и выдержке даже в самые тяжелые времена»».

Через несколько месяцев этот «отец родной» бросил армию, солдат на произвол судьбы и сдался немцам, выложил им на первом же допросе всю дислокацию своих войск и соседней.

Из дневника политрука В.А. Кузнецова: «На днях Перельмуттер и Муса Джалиль присутствовали на допросе пленных. Лазарь Борисович, знающий немецкий, спросил пленного летчика, каких классиков немецкой литературы тот больше всего любит. Словно не поняв вопроса, летчик недоуменно пожал плечами. «Гете? Гейне? Шиллер?» — подсказывает Джалиль. Пустое дело! Взгляд гитлеровца совершенно равнодушен. Летчик только что переброшен на Волховский фронт из Франции и знает только одно: убивать. Некоторые из пленных также новички на нашем фронте, прибыли сюда из Европы и составляют весенние резервы Гитлера.

² 54-я армия генерала И.И. Федюнинского наступала с северо-востока, но более собранно и осмоторительно, не теряя флангов. К Любани она тоже прорваться не смогла.

Муса Джалиль, словно огорчившийся за духовное убожество гитлеровцев, написал злую сатиру, которую мы даем в сегодняшнем номере. Стихи так и названы — «Весенние резервы Гитлера». Вот несколько строк из них:

Не резервы это — мразь.
Мокрый снег, отбросы, грязь.
Ведь весной все утекает,
Что земле дышать мешает...

Это, конечно, не высокая поэзия. Но газетный формат требует именно таких строк — фельетонных (когда дело касается врага), прямолинейных, простых, как удар штыка. В окопах это читали с удовольствием, и это вдохновляло бойцов».

«8 июля. По дороге к Мясному Бору миновали могилу Всеволода Багрицкого³. На дереве сохранилась фанерка: «Я вечности не приемлю...» Холмика уже нет. Могила уже обвалилась и заполнена черной водой. В воде плавают хвойный, тоже почерневший венок. Мы подошли, обнажили головы. К нам приблизился Муса Джалиль.

— Когда-то его отец помог мне поверить в себя.

И Муса тихо прочел стихи, прозвучавшие неожиданным диссонансом в эту невеселую минуту:

Ну как мне не радоваться и не петь,
Как можно грустить, когда день — как звон,
Как песня, как музыка и как мед!

— Это мои давнишние стихи, — говорит Джалиль, заметив наше недоумение, — их перевел на русский Эдуард Багрицкий. В 1929 году...»⁴

3

На фронте самое страшное слово — «окружение». Потому что за ним следует либо «смерть», либо «плен». Редко — «выход», «прорыв». Кому как повезет. Везение, как известно, — дело случая.

Начались тяжкие дни и недели окружения.

Там же, в окружении, оказалась и 92-я стрелковая дивизия. В ней артиллеристом воевал двадцатилетний лейтенант Сергей Крутилин. Его дивизия в один из дней пойдет на прорыв. Тысячи погибнут, сотни выйдут. Лейтенант Крутилин выйдет с перебитой рукой. В дивизионном госпитале руку ему ампутировали — началась гангрена. После войны он напишет трилогию повестей — «Лейтенант Артюхов», «Кресты», «Окружение». Фронтные пути лейтенанта Сергея Крутилина и старшего политрука Мусы Джалиля не пересеклись. Но свою трилогию бывший артиллерист 92-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии посвятил и ему тоже.

Немного севернее, в районе Мги, в это время в первый раз горел в танке лейтенант Сергей Орлов.

В рядах Красной Армии за родную землю и за свои семьи дрались любители

³ Всеволод Эдуардович Багрицкий (1922–1942) — поэт, сценарист, журналист. Сын поэта Эдуарда Багрицкого и Лидии Суок. До войны работал в «Литературной газете». В начале войны эвакуирован в Чистополь. Затем добился отправки на фронт: был назначен в газету 2-й ударной армии «Отвага». Погиб 26 февраля 1942 года во время выполнения редакционного задания в деревне Дубовик Ленинградской области. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁴ Подлинник дневника политрука В.А. Кузнецова хранится в Музее-мемориале Великой Отечественной войны в Казанском кремле.

поэзии. На той стороне, в рядах вермахта, воевали любители пива, в большинстве своем не имевшие и малейшего представления ни о Гете, ни о Шиллере.

В июне 1942 года армия, брошенная своим командармом, начала бои на прорыв, на выход.

В такие дни и часы каждый солдат и командир думал о своей судьбе. Думал и поэт. Из письма к другу известно, что в эти дни перед прорывом он писал «Балладу о последнем патроне». Текст «Баллады...» до нас не дошел. Что за стихи это были, что за патрон, теперь уже мы вряд ли узнаем. Но, видимо, каждый из идущих на прорыв не только думал об этом патроне, но и имел его. Для чего этот, последний, вынимали из обоймы, из подсумка, и откладывали отдельно, вряд ли стоит уточнять.

Историей 2-й ударной армии периода Любанской операции и последующего окружения я не занимался. Но знаю историю окружения 33-й армии зимой — весной 1942 года. В лесах под Вязьмой стрелялись десятками. Особенно офицеры и политработники. Они-то знали, что в плену им не выжить: действовал приказ о комиссарах и евреях.

В биографической справке на одном из интернет-ресурсов Казани говорится буквально следующее: «В июне 1942 года, пробиваясь из окружения с другими офицерами и солдатами, Муса <...> получил тяжелое ранение в грудь. Он находился без сознания и попал в немецкий плен. В советской армии Джалиль с этого момента считался пропавшим без вести, а на самом деле начались его длинные скитания по немецким тюрьмам и лагерям».

Никаких подробностей об обстоятельствах, при которых поэт оказался в немецком плену, нет. Это объяснимо. Выходили по узкому коридору в урочище Мясной Бор. Сергей Крутилин подробно описал, как это было. Ломили прямо на пулеметы. Кровь, крики ужаса, неразбериха. Раненых подбирать было некогда. Живые бежали по лежневке, пока несли ноги...

Известно лишь, что в первые дни плена Джалиль выдавал себя за Мусу Гумерова. Значит, появилась такая возможность — скрыть свое настоящее имя, звание, должность. Это сохранило жизнь.

Татар среди пленных, взятых при ликвидации «котла» в любанских болотах и лесах, было много. Бойцы поисковых отрядов Татарстана, которые каждый год поднимают останки погибших воинов 2-й ударной армии, только среди павших разыскивали сотни своих земляков. А сколько безвестных...

Татары воевали хорошо — природные воины.

Когда открылось настоящее имя Мусы Джалиля, неизвестно.

Биографы пишут, что, «поправившись от ранения, Муса оказывал всяческую помощь и поддержку своим товарищам по лагерям, последний кусочек хлеба делил с нуждающимися. Но самое главное — огрызком карандаша на клочках бумаги Джалиль писал стихи и вечером читал их пленным, патриотическая поэзия о Родине помогала заключенным пережить все унижения и трудности». Лагерь было несколько — Шпандау, Моабит, Плетцензее.

До войны и до плена Муса Джалиль был поэт, а на войне стал политруком. Политруком и поэтом. Потому что обстоятельства потребовали от него именно этого.

В плену Джалилю суждено было пройти через большие испытания. Вначале хотелось просто выжить. И он выжил, уступая многим обстоятельствам. Но слова присяги и верность Родине оказались сильнее.

После поражения под Москвой, после неудач в районе Ленинграда и на Валдае немцы начали формировать коллаборационистские части. Это были в основном батальоны. В первое время они использовались в качестве вспомогательных войск

в тыловой местности. Впоследствии некоторые подразделения были направлены на передовую и приняли участие в боевых действиях в составе вермахта.

Когда Джалиль оказался в плену, немцы формировали легионы военнопленных из числа тюркских мусульманских народов — Туркестанский, Кавказско-мусульманский, Грузинский и Армянский. Волго-татарский легион «Идель-Урал» состоял из татар, башкир, марийцев, удмуртов, пермяков, чувашей, представителей других народов Поволжья и Приуралья. В сентябре 1942 года легион был полностью сформирован. В него входило восемь батальонов численностью 900–950 человек, из которых 50–80 были немцы. Легион насчитывал около 25 000 человек. По немецким стандартам — почти корпус. По советским — почти армия.

Название легиона — «Идель-Урал» — взято из истории: в 1918 году, в эпоху парада суверенитетов, когда каждая губерния, даже в Центральной России, провозглашала себя республикой, в Казани на 2-м Всероссийском мусульманском военном съезде была принята резолюция о создании в составе России штата Идель-Урал, включавшего в себя Уфимскую губернию, часть Казанской, Симбирской, Самарской, Оренбургской, Пермской и Вятской губерний. Немцы, формируя «Идель-Урал», обещали легионерам завершить начатое в 1918 году дело — автономию, самостоятельность на освобожденных от большевиков землях Поволжья. Это было игрой, рассчитанной на лояльность поволжских мусульман и их рвение в выполнении приказов германского командования.

После бесчеловечных издевательств, унижений, голода вступление в легион многим виделось избавлением от страданий. Вновь забрезжила надежда выжить, получить в руки оружие, а потом... Потом — по обстоятельствам. Но не все так просто. Вначале пришлось принять присягу на верность германской армии и лично Гитлеру. А это означало — изменить присяге, данной при вступлении в Красную Армию. Не все этот непростой шаг делали легко и без последствий.

Среди вступивших в легион «Идель-Урал» оказался и Муса Джалиль.

Батальоны легиона дислоцировались в основном на территории оккупированной Польши.

После сталинградского потрясения немцы, испытывая острую нехватку солдат, начали принимать в Ваффен-СС представителей других народов, близких к арийской расе. В первую очередь — скандинавов, французов, бельгийцев. Известно, что в 1945 году, в период массовой капитуляции, среди пленных солдат германской армии оказались тысячи поляков, чехов, словаков, словенцев, болгар, шведов, норвежцев, голландцев и даже евреев. Не говоря уже о румынах, венграх и итальянцах, чьи армии участвовали в походе Гитлера на Восток, разрушали наши города, жгли деревни и участвовали в расправах над жителями оккупированных областей России, Белоруссии и Украины. Сбереечь драгоценную немецкую кровь! Поэтому в карательных акциях, в антипартизанских операциях немцы старались использовать союзников или коллаборантов. Мусульманские легионы, как казалось немцам, были для этой грязной работы идеальным инструментом.

Но первый же батальон, а именно — 825-й из легиона «Идель-Урал», брошенный против партизан в витебские леса в Белоруссии, неожиданно перешел на сторону од-

Муса Джалиль

ного из отрядов 1-й Витебской партизанской бригады. Вслед за 825-м батальоном на сторону партизан и формирований бойцов Сопротивления во Франции, антифашистских сил в Польше, Голландии, а также регулярных войск союзников на побережье Ла-Манша перешли роты, взводы и отдельные группы легионеров-мусульман.

Немцы начали расследование, подключили к делу всех своих осведомителей и вскоре получили неожиданную информацию: в легионе действует группа, которую организовал и которой руководит политрук и поэт Муса Джалиль. Нашелся провокатор и в группе, подготовленной к переходу к партизанам.

Муса Джалиль был арестован. Арестовали и всю его группу, с которой он вел подпольную работу среди легионеров.

По приговору суда «за распространение советской идеологии, разложение батальона» 25 августа 1944 года Джалиля и всю его группу казнили. Как пишут биографы, «в берлинской тюрьме Плетцензее подпольщик был гильотинирован». Говорят, что вместе с Джалилем в тот роковой день немцы казнили еще одного татарского поэта — Абдуллу Алишева. Он был из подпольной группы Мусы Джалиля и тоже являлся бывшим легионером. Все одиннадцать приговоренных смерть приняли мужественно.

Когда окончилась война, судьбу легионеров решали офицеры СМЕРШа, которые разбирали дело каждого из них.

5

Муса Джалиль был женат трижды.

Первая жена, Рауза, родила ему сына Альберта. Альберт стал офицером ВВС. Служил на Кавказе и в Группе советских войск в Германии. У него двое сыновей.

Вторая жена, Закия, родила дочь Люцию. Люция окончила Московский государственный институт кинематографии. В качестве ассистента режиссера участвовала в съемках фильма об отце «Моабитская тетрадь».

Третья жена, Амина, родила Мусе Джалилю дочь Чулпан. Получив хорошее образование, Чулпан работала в издательстве «Художественная литература» в редакции русской классики. Каждый год в день рождения Мусы Джалиля Чулпан с дочерью Татьяной, внуками Михаилом Митрофановым-Джалилем и Елизаветой Малышевой приезжает в Казань на родину поэта, отца, деда и прадеда.

Но сразу после войны, когда в руки СМЕРШа попали списки легиона «Идель-Урал», вдове и детям поэта некоторое время жилось нелегко. Легионер! Предатель Родины!

Однако чем глубже офицеры СМЕРШа погружались в исследование жизни Мусы Джалиля в концлагерях и в батальоне легиона «Идель-Урал», тем больше убеждались в том, что старший политрук Джалиль так и остался политруком РККА и до конца исполнял свой офицерский долг перед Родиной. Как это ни парадоксально, в немислимых, крошечных обстоятельствах раскрылся и его поэтический дар. Но это смогли оценить уже другие люди.

«В 1946 году, — свидетельствуют казанские хроники, — в Союз писателей Татарстана пришел бывший военнопленный Трегулов Нигмат и передал тетрадку со стихами Мусы Джалиля, которую доверил ему поэт, а он, в свою очередь, смог вынести ее из немецкого лагеря. Спустя год в Брюсселе в советское консульство передали второй блокнот со стихами Джалиля. Андре Тиммерманс, участник Сопротивления из Бельгии, тайно вынес бесценный блокнот из Моабитской тюрьмы. Он виделся с поэтом перед казнью, тот попросил его передать на Родину стихи.

За годы тюремных заключений Мусою было написано 115 стихов. Эти тетрадки, которые сумели вынести его товарищи, были переданы на Родину и хранятся в государственном музее республики Татарстан.

Стихи из Моабита попали в руки Константина Симонова. Симонов организо-

вал их перевод на русский язык и доказал всему миру патриотизм политической группировки под руководством Мусы Джалиля, организованной прямо под носом у фашистов, в лагерях и тюрьмах. Симонов написал о Мусе статью, которую напечатали в 1953 году в одной из советских газет. С клеветой на Джалиля было покончено, и по стране началось триумфальное осознание подвига поэта».

Первое издание книги стихов «Моабитская тетрадь» было осуществлено в 1953 году на родном для поэта татарском языке. В 1955 году стихи вышли на русском языке. В родном Татарстане об этом писали: «Это было похоже на возвращение с того света».

В 1956 году Мусе Джалилю присвоили звание Героя Советского Союза (посмертно).

В 1957 году ему присуждена Ленинская премия по литературе за сборник стихов «Моабитская тетрадь».

ВАРВАРСТВО

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.

У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь

Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землю,
Друг друга с бешенством гоня...

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.

Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,

В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.

Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый,
Детей внезапно охватил испуг —
Прижались к матерям, цепляясь за подолы.

И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,

Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!

Все понял, понял все малютка.
— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать!
Он плачет и, как лист, сдержатъ не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,

Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —

И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой. Сейчас вздохнешь ты вольно.

Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно. —

И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?

Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,

Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

(1943)

Есть стихотворение, которое приписывают Мусе Джалилю. Написано ли оно действительно Джалилем, доподлинно неизвестно. Одни исследователи утверждают, что это не его стихотворение, что ни в одном сборнике среди написанного в Шпандау, Моабите и Плетцензее этого стихотворения нет и что принадлежит оно Эдуарду Асадову. Сюжет его схож. Называется оно «Чулочки».

ЧУЛОЧКИ

Их расстреляли на рассвете,
Когда еще белела мгла,
Там были женщины и дети
И эта девочка была.
Сперва велели им раздеться,
Затем к обрыву стать спиной,
И вдруг раздался голос детский
Наивный, чистый и живой:
— Чулочки тоже снять мне, дядя? —
Не упрекая, не браня,
Смотрели, прямо в душу глядя,
Трехлетней девочки глаза.
«Чулочки тоже?..»
И смятением эсэсовец объят.
Рука сама собой в волнении
Вдруг опускает автомат.
И снова скован взглядом детским,
И кажется, что в землю врос.
«Глаза, как у моей Утины», —
В смятенье смутном произнес,
Охваченный невольной дрожью.
Нет! Он убить ее не сможет,
Но дал он очередь спеша...
Упала девочка в чулочках.
Снять не успела, не смогла.
Солдат, солдат, а если б дочка
Твоя вот здесь бы так легла,
И это маленькое сердце
Пробито пулею твоей.
Ты человек — не просто немец,
Ты — страшный зверь среди людей.
Шагал эсэсовец упрямо,
Шагал, не поднимая глаз.
Впервые, может, эта дума
В душе отравленной зажглась.
И снова взгляд светился детский,
И слышится опять, опять!
И не забудется веками:
«Чулочки, дядя, тоже снять?»

БИБЛИОГРАФИЯ

- Сочинения в трех томах. — Казань, 1955–1956.
Сочинения. — Казань, 1962.
Избранное. — М.: Художественная литература, 1966.
Костер над обрывом. — М.: Правда, 1987.
Моабитские тетради. — Казань: Таглиман, 2006.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. (1956 г. Посмертно).
Ленинская премия по литературе. За книгу стихотворений «Моабитская тетрадь». (1957 г. Посмертно).